

Графическое искусство остяков и вогулов.

Своеобразный остяко-вогульский орнамент получил широкую известность благодаря работе Сирелиуса¹, в основу которой легли разнообразные орнаментальные мотивы остяков и вогулов, встречающиеся на берестяной посуде и мехе. Разумеется, материалами, опубликованными Сирелиусом, не исчерпывается многообразная остяко-вогульская орнаментика. В собраниях наших центральных и особенно местных музеев, без сомнения, найдется еще не мало орнаментальных мотивов и их вариантов, не отмеченных Сирелиусом. Особенно много пробелов в изображениях птиц и зверей, которыми так богата остяко-вогульская орнаментика. В упомянутой работе Сирелиус вовсе не касается исключительно интересного шитого орнамента южных остяков и вогулов, в настоящее время уже вымершего, но сохранившегося в музейных собраниях. Кое-какие дополнения к материалам по остяко-вогульской орнаментике, опубликованным Сирелиусом, дает альбом Мартина², в котором имеются также две таблицы рисунков, исполненных остяками на бумаге, и статья Семайера³. Шитому орнаменту посвящены только небольшие заметки⁴.

Не задаваясь целью всестороннего обзора остяко-вогульского графического искусства, мы имеем в виду ознакомить только с частью материалов, собранных нами во время экспедиции к остякам и вогулам 1909—1910 годов⁵, касающихся главным образом графики. По орнаментике мы приводим ряд изображений птиц и зверей, дополняющих опубликованные ранее.

Источники для изучения остяцкой и вогульской графики весьма разнообразны. Сюда относятся, прежде всего „знамена“, собственноручные подписи остяков и вогулов на исторических документах, рисунки, которые мы находим на различных предметах, и пиктографы. Материал для изучения орнаментики мы черпаем в предметах домашнего обихода, главным образом, берестяной посуде, в татуировке, на одежде и проч.

Остяцкие знамена были в свое время изучены Оглоблиным⁶ и с тех пор заняли особое место среди тамг и знамен многочисленных племен России. Просматривая ра-

¹ Sirelius, U. T. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen. Helsingfors. 1904.

² Martin, F. R. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm. 1897.

³ Semayer, V. Vogul-osttjak himes kéregedények. Budapest. 1905.

⁴ Этнографические коллекции Тобольского Губернского Музея. Ежегодник Тобольского Губернского Музея. Тобольск. 1911.

⁵ Руденко, С. Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губ. Отчет Этнографического Отдела Русского Музея за 1910 г. СПб. 1912.

⁶ Оглоблин, Н. Остяцкие „знамена“ XVII века. Исторический Вестник, кн. 10, 1889. Его же. „Знамена“ сибирских инородцев XVII в. Зап. Уральск. Общ. Любит. Естеств., т. 13, вып. 1. Екатеринбург. 1891—92.

боту Ефименко ¹, не трудно убедиться, что остяцкие знамена резко отличаются от знамен всех рассмотренных им народностей России своеобразным начертанием, имеющим много общего лишь с родовыми знаками северо-американских индейцев. В то время, как знаки русских крестьян и финских племен, тамги турецких и монгольских племен имеют весьма простое начертание, обычно комбинации прямых линий, реже буквенные обозначения, знамена остяков являются изображениями различных предметов и притом часто зверей, птиц и рыб. Не вдаваясь в вопрос о происхождении знамен вообще, в различные моменты жизни народа они могут иметь различное значение и происхождение, остановимся вкратце на знаменах остяцких.

В настоящее время мы встречаем у остяков и вогулов знамена, имеющие значение знака собственности, тавра. Последние употребляются для меты домашних животных или предметов и имеют начертания, обычные для тавра и для тамг русских, турецких и финских племен. Самое название знамени *сали пос* или *кат пос* свидетельствует о том, что мы имеем дело прежде всего с метой для оленя, хотя эти *сали пос* или *кат пос* ставятся и на лошадях, промысловых орудиях, в частности на грузилах и поплавках в коллективных неводах. Они же служат и подписными знаменами неграмотных на различных документах. Современные знамена остяков и вогулов существенно отличаются от интересующих нас знамен, встречающихся в документах XVII века. Там знаменем данного, руку прилагающего, остяка чаще всего, повидимому, служил его тотемный знак, изображение тотема. Остяки и вогулы принадлежат к числу немногих племен России, до сих пор связывающих происхождение отдельных своих колен с теми или иными родоначальниками-тотемами. На это в свое время было обращено внимание Гондатти ², значительный материал по данному вопросу был собран и нами во время упомянутой поездки к остякам и вогулам. На северной Сосьве различные колена вогулов почитают, одни чайку (*Larus ichtyaetos*), другие—гагару (*Colymbus septentrionalis*), третьи—оленя, иные—лося, выдру, налима, ястреба, лягушку, какого-нибудь легендарного человекоподобного гения (старика—*ойка*). Не зная письменности, не имея индивидуальных тамг, остяки и вогулы, в XVII веке и позднее, на документах вместо подписи, удостоверяющей личность приложившего руку, изображали свои родовые тотемы. Знамена тотемного характера, как сказано, в большом количестве, опубликованы Оглоблиным. Эти знамена только до известной степени могут дать представление об остяцкой графике, хотя бы уже потому, что они начертаны были при исключительной обстановке и необычным орудием-пером, впервые взятым в руки. Тем не менее и здесь мы наблюдаем известный стиль, традицию в изображении ряда предметов. Достаточно просмотреть опубликованные Оглоблиным изображения оленей и других зверей и птиц (табл. I).

Сопоставление взятых нами из материалов Оглоблина остяцких знамен с остяцкими рисунками на бумаге в альбоме Мартина ³, как увидим далее, собранными нами, свидетельствует о ряде общих черт в этих, хотя и схематических, но достаточно выразительных традиционных изображениях. Примитивность и простота начертания в значительной степени вытекает из их назначения.

Много общего со знаменами имеет татуировка, которая теперь уже редко встречается среди остяков и вогулов.

Первые сведения, относящиеся к началу XVIII века, о татуировке у остяков, мы находим у Г. Новицкого ³, который писал, что остяки „имѣють знаменія нѣкая: или

¹ Ефименко, П. Юридические знаки. Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб. 1874, ч. 176.

² Гондатти, Н. Л. Следы языческих верований у маньчжур. Труды Этнографического Отдела Общества Любителей Естественной, Антропологической и Этнографической. Москва. 1887, кн. 8.

³ Новицкий, Г. Краткое описание о народе остяцком сочиненное в 1715 г. Изд. Майкова. СПб. 1884, стр. 33.

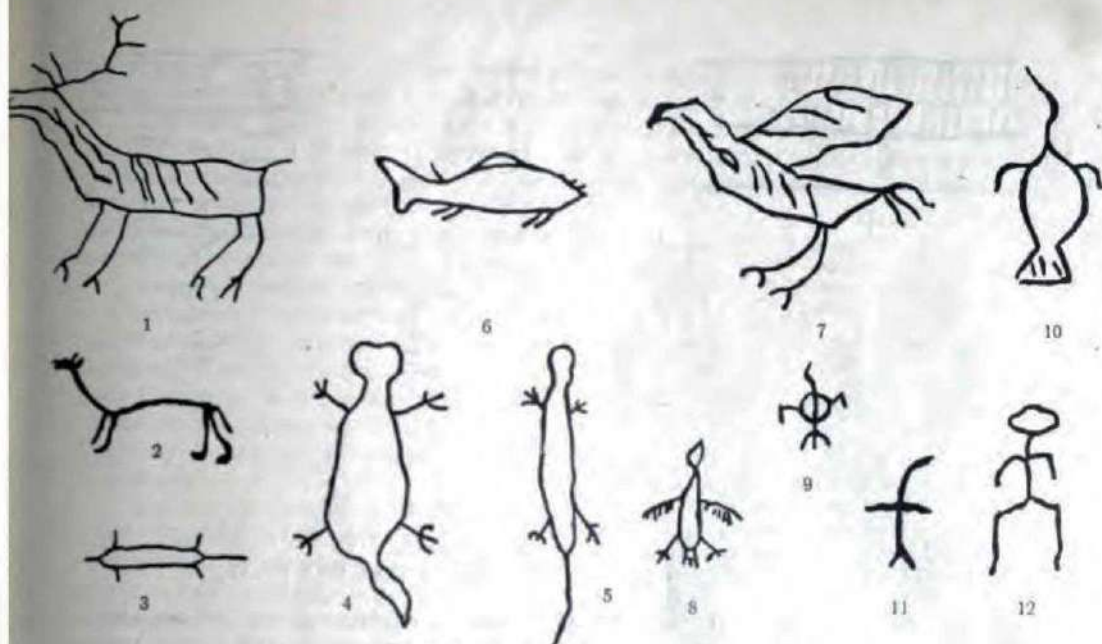

Таблица I (натур. величина).

Рис. 1. Олень—знамя остяков Сургутск. у., 1654 г.
 Рис. 2. Олень—знамя остяков, XVII в.
 Рис. 3. Соболь—знамя остяков Сургутск. у., 1646 г.
 Рис. 4. Бобр—знамя остяков Сургутск. у., 1655 г.
 Рис. 5. Выдра—знамя остяков Сургутск. у., 1655 г.
 Рис. 6. Рыба—знамя остяков, XVII в.

Рис. 7. Тетеря—знамя остяков Сургутск. у., 1654 г.
 Рис. 8. Филин—знамя остяков Сургутск. у., 1647 г.
 Рис. 9. Тетерев—знамя остяков Березовск. у., 1648 г.
 Рис. 10. Птица—знамя остяков, XVII в.
 Рис. 11. Птица—знамя остяков, XVII в.
 Рис. 12. Человек—знамя остяков Нарымск. у., 1662 г.

взоры на рудѣхъ и персѣхъ, или на нозѣхъ, яже въ различныя виды и черты чернотію сиче изображаютъ еще здѣтска руцѣ или нозѣ или на персѣхъ иглою до крове изободше сажею съ иными утварими тако крѣпко натирають, яко сотретиса до кончины его не можеть. И сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты своя выписуютъ и заемная утверждають писанія. Не толико же се имѣють сего ради употребленія, но почтають се за украшеніе нѣкое, и женскій бо ихъ полъ такожде руцѣ себѣ изпещряють и украшаютъ тоеюжде единою чернотію, но изълишше различными виды и взоры птицъ и звѣрей сіе изображение изображаютъ*.

Позднее о татуировкѣ остяков писал Паллас¹. „Не меньше украшения почтають Остяцкія бабы, въ вышиваніи разныхъ синихъ фигуръ на тѣлѣ, какъ то на спинѣ, на локтяхъ, на берцахъ, или гдѣ индѣ; для вышиваніяжъ берутъ сперва сажи и нарисовываютъ оною то, что имъ хочется, на конецъ по тѣмъ же слѣдамъ пройдутъ съ иглою и прокалываютъ до крови, отъ чего влившаяся съ сажею кровь дѣлаеть голубыя пятна такъ и заживаетъ. Мушны дѣлають тоже, но только на однѣхъ кистяхъ; и оныя знаки записываются въ ясащюю книгу, что у нихъ, такъ какъ и у другихъ безграмотныхъ народовъ, столько же важить сколько рукою подписаться. На конецъ выписываютъ онѣ еще какіе нибудь фигуры на плечахъ или гдѣ индѣ, но то или по причинѣ болѣзни или по причинѣ какого другаго особливаго приключенія*.

¹ Паллас, П. С. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. СПб. 1788, ч. III, стр. 53—54.

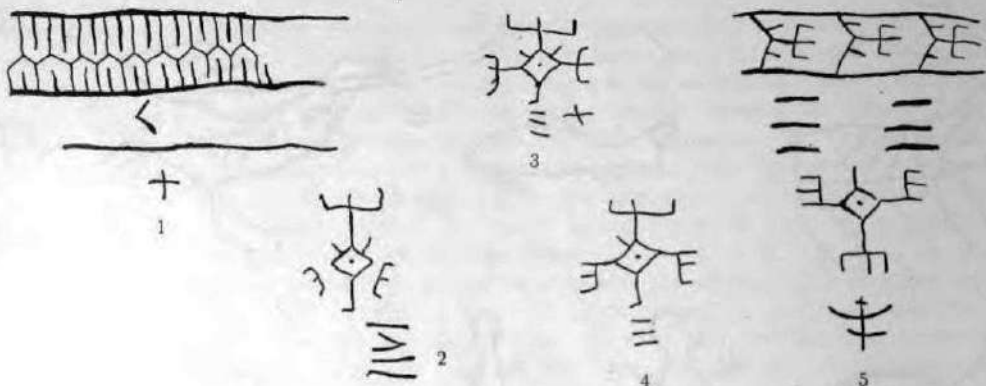

Таблица II.

- Рис. 1. Тамга (татуировка) на левой руке девушки-вогулянки.
 Рис. 2. Тамга (татуировка) на правой руке вогула Петра Бахтиярова.
 Рис. 3. Тамга (татуировка) на правой руке остяка Нерина.
 Рис. 4. Тамга (татуировка) на правой руке вогула Федора Укладова.
 Рис. 5. Тамга (татуировка) на правой руке девушки-вогулянки (той же, что и рис. 1).

Сорокин¹ в своемъ „Путешествіи къ вогуламъ“ сообщаетъ, что „у большинства Вогуловъ (какъ мужчинъ, такъ и женщинъ) на рукахъ (повыше кисти) и ногахъ можно замѣтить различныя узоры, состоящіе изъ темно-синихъ черточекъ, квадратиковъ и точекъ... Эта татуировка тѣла, сколько мнѣ удалось узнать, имѣетъ различныя основанія: въ большинствѣ случаевъ молодыя женщины и дѣвушки разукрашиваютъ себя ею ради кокетства... Мушны же имѣютъ нѣсколько иную цѣль. Во время охоты, бродя по лѣсамъ Урала, Вогуль время отъ времени вырѣзаетъ на стволахъ деревьевъ тѣ узоры, которые онъ имѣетъ на рукахъ или ногахъ, и такъ какъ каждое семейство имѣетъ свою тамгу, то всякій охотникъ, идущій по лѣсу и замѣчающій вырѣзки на деревьяхъ, можетъ быть смѣло увѣренъ, что Вогуль изъ такого то семейства прошелъ въ этихъ мѣстахъ... Наконецъ, тамга служитъ еще и какъ медицинское пособіе. Если кто нибудь сломаетъ руку или ногу, или просто они долго болѣютъ—то надъ больнымъ или переломаннымъ мѣстомъ накальваютъ тамгу... Знаки на тѣлѣ дѣлаются очень просто: какимъ-нибудь острымъ оружіемъ производятся надрѣзы кожи болѣе или менѣе глубокіе и потомъ натираютъ пораненое мѣсто толченымъ порохомъ“.

Во время нашей поездки к остякам и вогулам мы употребили все усилія к тому, чтобы зарисовать по возможности все встреченныя нами татуировки. Обычай татуировки уже выводится, и нам удалось на всей огромной территории, заселенной северными вогулами и остяками, зарисовать только двадцать татуировок, изображенія которых мы воспроизводим.

По собраннымъ нами свѣдѣніям, в настоящее время татуировка производится с медицинской целью и как украшеніе. Чаще всего остяки и вогулы татуируются при ревматизме, ломоте в суставах. Тот воспалительный процесс, который сопровождает татуировку, отвлекает боль и даже, по ихъ мнѣнію, излечивает. Поэтому, татуировку мы чаще всего встречаемъ в области суставовъ рукъ (отсюда и самое названіе татуировки *вешяут*, вогульскіе — *уйрысь*), реже плеч и ног. Татуировка медицинская в виде ряда полос

¹ Сорокин, Н. Путешествіе к вогулам. Труды Общ. Естествоиспытателей при И. Казанскомъ Университете. Казань. 1873, т. III, № 4.

или рубцов встречается гораздо чаще узорной. Узорная татуировка, татуировка как украшение, часто сочетается с медицинскими целями (рис. 1).

Сведения, которые получили мы о технике татуировки, вполне совпадают с сообщениями Новицкого и Палласа. Узор накальвается иглой, затем берется сажа с наружных стенок котла и втирается в наколотые места кожи. При татуировке необходимо соблюдать ряд установившихся правил, в частности сажу с котла нельзя снимать ножом, а необходимо делать это пальцем руки.

Вполне возможно, что в иных случаях при татуировке изображались тотемы. Вне сомнения, иногда татуировка, как особая примета, служила знаменем для данного лица, примеры чего приводят Новицкий, Оглоблин и Сорокин, но отождествлять татуировку с тамгами, знаменами вряд ли правильно.

Как общее правило, татуировка мужчин не вызывается соображениями эстетики. Она обычно состоит из нескольких параллельных, иногда перекрещивающихся, полос. В приводимых нами примерах (табл. III, рис. 1 и 2) она имеет форму креста. Сорокин дает татуировки вогулов (мужчин), где мы имеем изображение птицы *ворчик*, но в данном случае мы имеем дело с особым видом татуировки, связанной с мистикой.

Татуировка женщин на открытых местах, кистях рук, узорчатая (табл. III, рис. 4—12). На предплечьях мы встречаем изображения птицы *ворчик* (табл. IV). На ногах и плечах татуировка встречается в виде отдельных полос. В некоторых случаях татуированы обе руки.

Рассматривая рисунки татуировки на таблицах III и IV и сопоставляя их с опубликованными Сорокиным (табл. II), мы видим, что все они сводятся к нескольким традиционным мотивам, из которых часть встречается на меховых и суконных предметах, в частности на одежде, часть же типична только для татуировки. К первой категории мотивов относятся *нел пос*, *ази вой ух* (в частности нижняя часть рис. 10 и 11, табл. III), ко второй — *ворчик* или *ворчик*. Реже встречаются стилизованные изображения ели или мыши.

Исключительный интерес представляет татуировка в виде птицы (табл. IV). Только в одном случае мы имеем изображение тетерева (табл. IV, рис. 3), своеобразное по стилю и отличающееся от прочих изображений. Все остальные изображения птицы отличаются поразительным сходством, несмотря на некоторые различия отдельных вариантов. Сравнивая все наши изображения птицы с подобными изображениями в работе Сорокина, мы убеждаемся, что везде имеем дело со строго установившимся традиционным стилем в изображении птицы татуировкой, стилем, не встречающимся в иных видах остяцкой и вогульской графики.

Рис. 1 — А. Татуировка на левой руке остячки Татьяны Лазим 40 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме. Б. Татуировка на правой руке остячки Татьяны Иорыхан, Илби горт на р. Казыме: а) *йорын угыл хужансы* — завяки самоедской нарти; б) *хульнуу* — еловый сук; в) *пэрка* — крест; г) *мий харань яхты вой* — мышь; д) *ворчик* — птица.

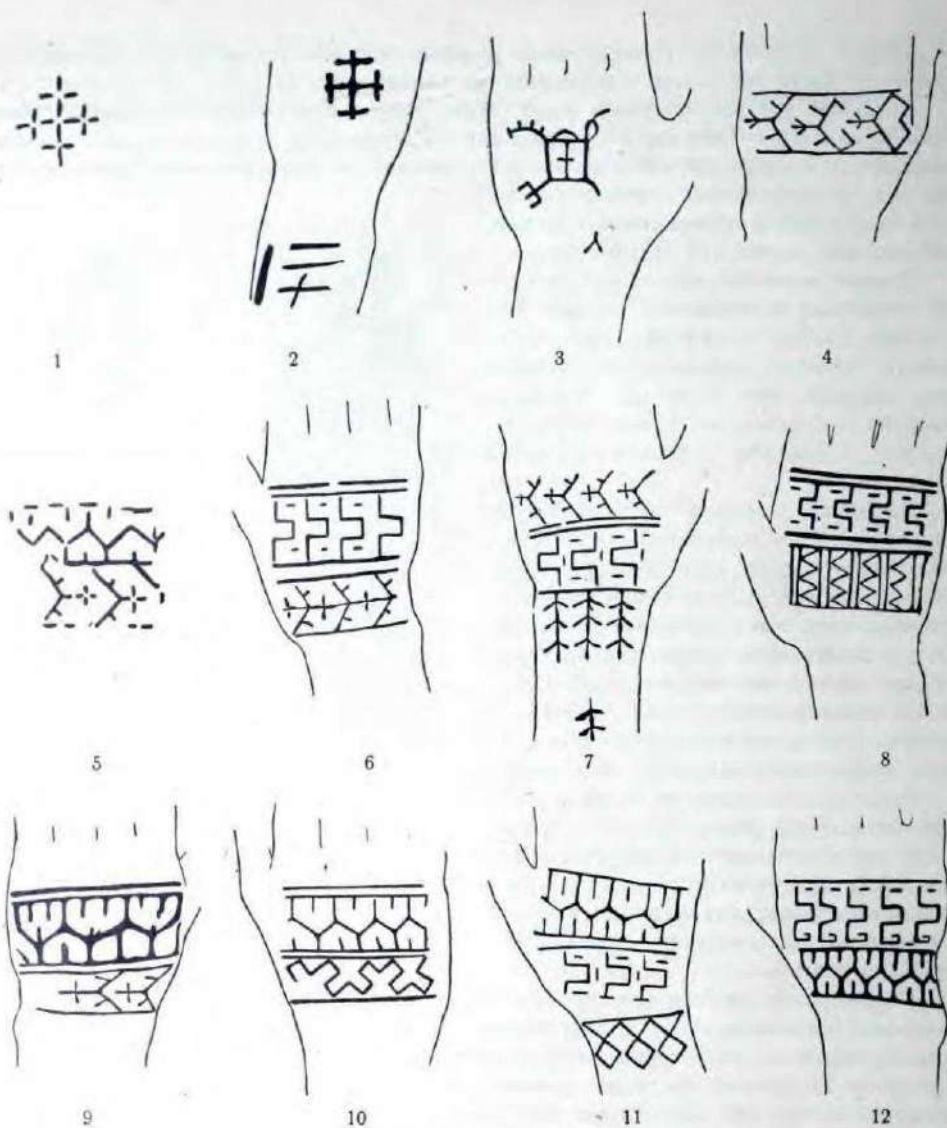

Таблица III.

Рис. 1. *Пэрна*—крест; татуировка на правой руке остяка Григория Спиридонова, 72 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Пэрна*—крест; татуировка на левой руке остяка Николая Сянкина, 52 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 3. Изображение какого то мифического животного; татуировка на левой руке остячки средних лет с р. Вогулки.

Рис. 4. *Нёл пос*—конец стрелы; татуировка на левой руке остячки Марии Волты, 60 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Нёл пос*—конец стрелы и *йорын ол хаңжынсы*—узор самоедской голеи; татуировка на правой руке остячки Татьяны Захар, 52 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 6. *Нел пос*—конец стрелы; татуировка на правой руке остячки Татьяны Лазям, 40 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме.

Рис. 7. *Ленгер кур*—мышинная нога, *хулэт* и *нел пос*—конец стрелы; татуировка на левой руке остячки Акулины Андима, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 8. *Нел пос*—конец стрелы и *ази вой ух*—голова животного с клыком; татуировка на правой руке остячки Анны Вуды, 67 лет. Казым-еган вож на р. Казыме.

Рис. 9. *Нел пос*—конец стрелы и *йорин ол ханжынсы*; татуировка на левой руке старухи вогулянки с р. Северной Сосьвы.

Рис. 10. *Нел пос*—конец стрелы и *йорин ол ханжынсы*; татуировка на правой руке остячки Марии Волты, 60 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 11. *Йорин угыл ханжынсы* и *ази вой ух*—голова животного с клыком и *вурчик*—птица; татуировка на правой руке остячки Акулины Андима, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 12. *Нёр нёгот* и *нел пос*—конец стрелы; татуировка на правой руке остячки Авдотьи Волты, 63 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме.

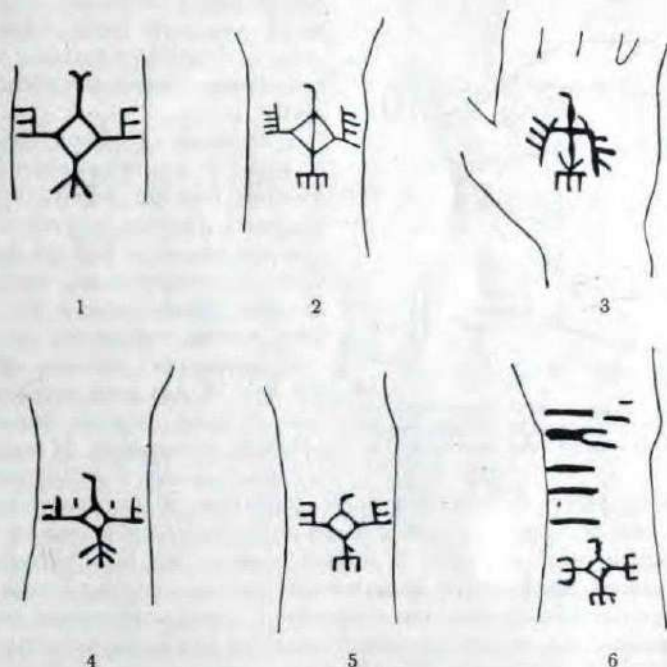

Таблица IV.

Рис. 1. *Вурчик*—птица; татуировка на правом предплечье остячки Марии Емалиб, 39 лет. Казым-тын-вож на р. Казыме.

Рис. 2. *Ворчик*—птица; татуировка на правой руке вогулянки Домны Сергуски, 34 лет. Ильби пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 3. *Чопыр*—тетерев; татуировка на правой руке вогулянки Ульяны Ингилеб, 27 лет. Няхлы пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 4. *Вурчик*—птица; татуировка на предплечье правой руки остячки Акулины Андима, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Ворчик*—птица; татуировка на правой руке вогулянки Овисьи Огось. Мункез пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 6. *Ворчик*—птица; татуировка на левой руке вогулянки Марии Таратовой, средних лет. Волим пауль на р. Северной Сосьве.

Некоторый материал для изучения остяцкой и вогульской графики могут дать затесы на деревьях, значки — зачатки письменности, при помощи которых народности сибирской тайги отмечают пройденный путь и сообщаются между собой. По выше приведенной выдержке из „Путешествия“ Сорокина можно заключить, что вогулы на затесах вырезают те же узоры (тамги), которые татуированы у них на руках и ногах. Среди затесов, которые мы наблюдали, нам не пришлось встретить узоров или изображений животных. Однако Кузнецов ¹, в своем описании природы и жителей восточного склона Северного Урала, приводит изображения зверей, встреченные им на вогульских затесах (рис. 2).

Особый интерес представляют очень древние, повидимому, остяцкие рисунки на асанидских блюдах, одном из Коцкого городка Березовского округа и другом из собрания Салтыкова ². Блюда эти были использованы остяками по всей вероятности для ритуальных целей и на них мы

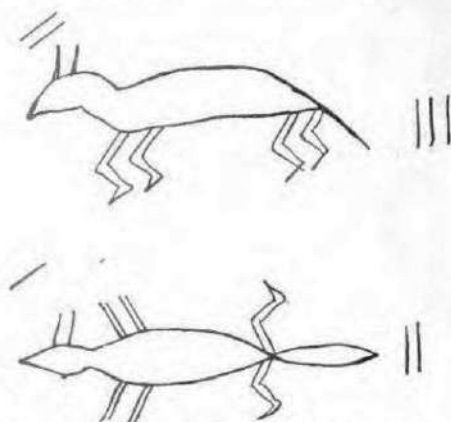

Рис. 2. Пиктографы: а) Два вогула с тремя собаками убили на этом месте росомаху; б) один вогул с двумя собаками убил на этом месте белку.

встречаем многочисленные и притом весьма своеобразные канонизованные изображения людей.

Переходя к обзору нашего собрания остяцких и вогульских рисунков на бумаге, отметим вкратце каким путем оно было получено. Первые рисунки были случайно сделаны одним из вогулов на р. Северной Сосве, впоследствии же, коротая бесконечно длинные зимние вечера, мы, по собственному почину, предлагали остякам и вогулам, желающим показать свое искусство, сделать те или иные зарисовки. Исполнителями были главным образом взрослые мужчины и женщины. За исключением двух случаев, которые в своем месте будут ого-

ворены, рисующие ранее не имели в руках карандаша и поэтому работали им при рисовании как ножом; по-русски объяснялись с трудом да и то только двое, о грамоте же не приходится и говорить. В выборе сюжетов они были свободны, рисовали кому что вздумается. Впрочем, не исключается возможность заимствования сюжетов, так как нам нередко приходилось демонстрировать ранее исполненные рисунки, чтобы пояснить, что именно мы желали получить, предлагая карандаш и бумагу. Изображали остяки и вогулы главным образом различных животных: зверей (37%), птиц (25%), рыб (11%), человека (6%), насекомых (6%), земноводных (3%), различные сцены.

Обзор наших рисунков мы начнем по сюжетам, что представляет наибольший интерес, хотя его можно было бы сделать по авторам, ибо и здесь не редко можно по манере воспроизведения отличить рисунки одного автора от другого.

Среди воспроизводимых нами рисунков имеются зарисованные остяками и вогулами в наших альбомах, зарисованные на листах бумаги и просто на отдельных обрывках бумаги, случайно попавших в руки нашим посетителям. Мы имеем много дублетов,

¹ Кузнецов, Н. И. Природа и жители восточного склона Северного Урала. Изв. И. Русского Географического Общ. 1887, т. 23.

² Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПб. 1909, табл. LVIII, рис. 12 и табл. XVII, рис. 40.

так как авторы часто не решались рисовать в альбоме и просили дать им доску или бумагу с тем, чтобы испробовать сначала, как выйдет рисунок, а затем уже рисовали в альбоме. При этом следует отметить, что далеко не всегда чистовой рисунок в альбоме бывал лучше своего черновика, исполненного на обрывке бумаги.

Отсутствие навыка во владении карандашом, что надо иметь в виду при оценке художественных качеств рисунков, очень наглядно проявляется в воспроизводимых на рис. 3 изображениях северного оленя, сделанных низовым остяком Николаем Куйбиным. На наше предложение сделать какой-нибудь рисунок в альбом, остяк попросил сначала листок бумаги и нарисовал первое изображение своего любимого оленя (а). Рисунок этот его не удовлетворил, он взял второй листок и сделал второе изображение того же оленя (б). Наконец, им был исполнен третий рисунок в альбоме (в). Таким образом мы имеем три изображения оленя, сделанные в течение получаса одним и тем же автором, что свидетельствует о несомненном успехе по мере освоения с непривычным орудием.

Одна из излюбленных тем в рисунках остяков и вогулов — изображения северных оленей, играющих столь важную роль в их жизни. Мы воспроизводим серию этих изображений (рис. 4, 8 и 9; табл. V, рис. 8 и 11; табл. VI, рис. 8; табл. XII, рис. 4 и 5). За исключением рис. 9, отличающегося особой манерой исполнения, присущей его автору, все остальные имеют много общего. Лучшее изображение оленя на рис. 3а, где хорошо передана форма тела этого животного и превосходно рога в весьма типичной для северного оленя форме.

Своеобразно отмеченное выше изображение оленей на рис. 9, далеко уступающее другим изображениям в присущей остяцким и вогульским рисункам реалистичности изображения: только рога свидетельствуют о том, что мы имеем дело с изображениями оленей.

Редки изображения лося, лошади и коровы. Наименее удачно изображение лошади (рис. 4а) с достаточно четко выраженными видовыми признаками этого животного, но весьма слабо передающего его формы. Удачнее изображение головы коровы (табл. VI, рис. 7), рисунок же лося (табл. VI, рис. 11) превосходен и дает ясное воспроизведение этого животного.

Многочисленны изображения медведя (табл. V, рис. 9; табл. VI, рис. 4, 9 и 12), причем они весьма различны по исполнению. На ряду с изображениями, передающими

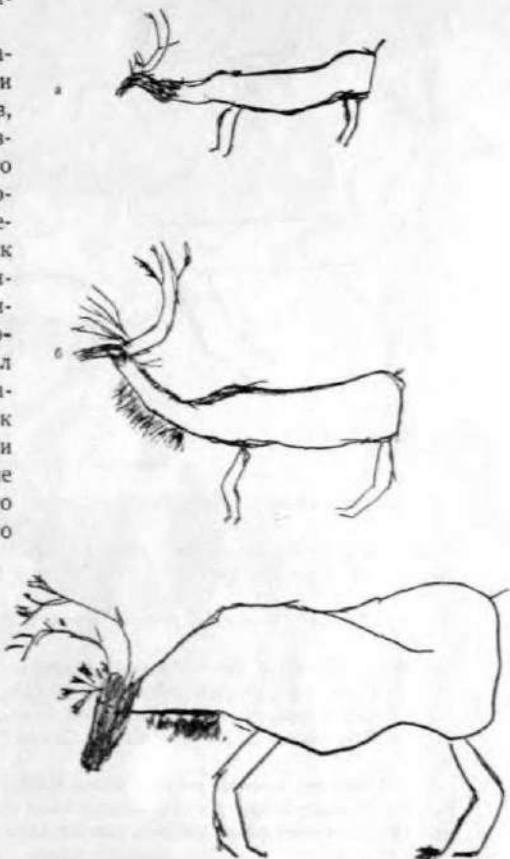

Рис. 3 а—в. Изображения северного оленя, исполненные остяком Обдорской волости Николаем Куйбиным, 46 лет (1/2 нат. вел.).

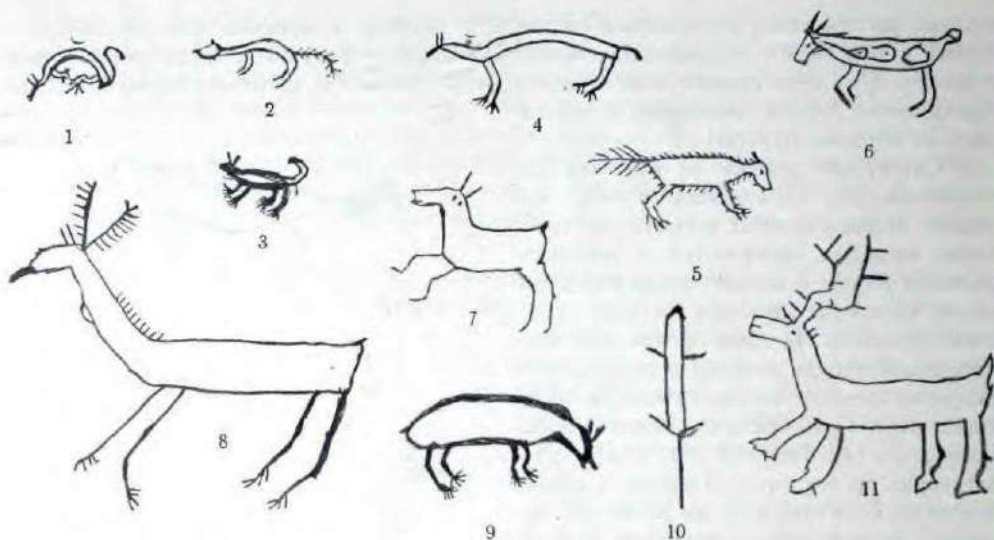

Таблица V (2/3 натур. величины).

- Рис. 1. *Лянгэ*—белка, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.
 Рис. 2. *Лянгэ*—белка, рисунок остячки Екатерины Бендиховой, 33 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 3. *Ле'ин*—белка, рисунок вогула Алексея Немчи, 32 лет. Няксимволь пауль на р. Северной Сосьве.
 Рис. 4. *Тульмх*—россомаха, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.
 Рис. 5. *Лянгэ*—белка, рисунок остячки Екатерины Харан, 28 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 6. *Соур*—заяц, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 7. *Соур*—заяц, рисунок остячки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 8. *Яны уй*—дось, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.
 Рис. 9. *Мойпыр*—медведь, рисунок остяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 10. *Вундыр*—выдра, рисунок остячки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 11. *Холт*—бык олень, рисунок остячки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Описание таблицы VI.

- Рис. 1. *Соур*—заяц, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган горт на р. Казыме.
 Рис. 2. *Чепкыс и саз*—горностай в черкане, рис. остяка Молданова, 14 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.
 Рис. 3. *Амп*—собака, рисунок остяка Молданова, 13 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.
 Рис. 4. *Вортол-ойка*—медведь, рисунок вогула (исполненный левой рукой) Михаила Гоголева, 48 лет. Анья пауль на р. Северной Сосьве.
 Рис. 5. *Соур*—заяц, рисунок остяка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.
 Рис. 6. *Охсыр*—лисица, рисунок остяка Ери Кылим, 63 лет. Нижняя Обь.
 Рис. 7. *Мис пунк*—коровья голова, рис. остяка Тимофея Яркина, 31 года. Нярахумит пауль на р. Оби.
 Рис. 8. *Вуды*—олень, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган горт на р. Казыме.
 Рис. 9. *Мойпыр*—медведь, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган горт на р. Казыме.
 Рис. 10. *Вундыр*—выдра, рисунок остячки Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 11. *Курун вой*—лось, рисунок остяка Николая Санкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 12. *Мойпыр*—медведь, рисунок остяка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.
 Рис. 13. *Вундыр*—выдра, рисунок остяка Ивана Рандамова. Ильби горт на р. Казыме.

Таблица VI (натур. величина).

характерные черты этого властелина сибирской тайги (табл. VI, рис. 12), мы имеем рисунки, мало напоминающие этого зверя, и авторы изображением клыков и когтей пытались вывить отличительные его черты (табл. V, рис. 9; табл. VI, рис. 4).

Очень разнообразны изображения белок (табл. V, рис. 1—5), среди которых одни подчеркивают гибкость и грацию этого зверька (табл. V, рис. 1 и 2), другие отмечают пышность мехового покрова, особенно хвоста (табл. V, рис. 2 и 5). Заяц (табл. V, рис. 6 и 7; табл. VI, рис. 1 и 5) в своих изображениях плохо дается остякам; большие уши и коротенький хвост, пожалуй, единственные черты, по которым можно распознать этого зверя.

Из остальных зверей мы имеем более всего изображений выдры (табл. V, рис. 10; табл. VI, рис. 10 и 13; рис. 10б в тексте). Вполне схематичное воспроизведение выдры

на рис. 10, табл. V чрезвычайно сходно с изображением соболя в знаменах — рис. 3, табл. I. Распластанное изображение выдры, рис. 13, табл. VI и рис. 10 в тексте, и изображение в профиль, рис. 10, табл. VI, подчеркивают массивное туловище, передние лапы и хвост, длинные осязательные усики этого зверя. Весьма своеобразно изображение выдры (рис. 13а), выгравированное на костяной, предохраняющей руку от удара тетивы при стрельбе из лука, дощечке (*эш кар*).

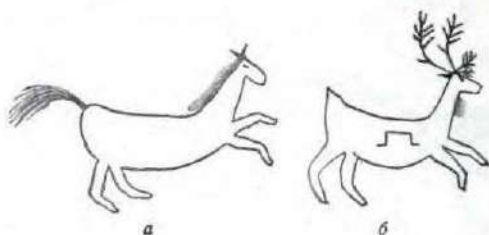

Рис. 4. а) *Лув* — лошадь и б) *Холт* — бык олень, рисунки вогула Ивана Гоголева, 56 лет. Аня пауль на р. Северной Сосьве (1/3 нат. вел.).

Мало типичны изображения горностая

(табл. VI, рис. 2) в ловушке-черкане, собаки (табл. VI, рис. 3) и лисы (табл. VI, рис. 6 и рис. 10а в тексте).

При значительном разнообразии в манере воспроизведения тех или иных животных, в общем, остяки и вогулы хорошо владеют формой и в большинстве случаев удачно передают типичные особенности воспроизводимых животных. За редкими исключениями звери изображаются в профиль, обычно с четырьмя ногами, реже двумя. В некоторых случаях намечаются глаза, причем иногда два глаза рядом даже на рисунках в профиль. Половые признаки отмечены только в одном случае (изображение оленя на рис. 8 в тексте). На одном из рисунков оленя (рис. 4б) изображена тамга (*сали нос*) его владельца, в пропорции, совершенно не соответствующей размерам рисунка. Внутренности изображены только в одном случае (табл. V, рис. 6), значительно чаще встречаются они на изображениях птиц.

Не менее разнообразны, как по сюжету, так и по манере воспроизведения изображения птиц. Тетерев чаще других птиц изображается остяками и вогулами. Впоследствии мы увидим насколько значительную роль играет эта птица и в орнаментике. Мы воспроизводим три рисунка тетерева (табл. VII, рис. 3; табл. VIII, рис. 3 и 5), существенно отличающиеся один от другого, причем только один (табл. VIII, рис. 3) передает характерные черты этой птицы. Общей чертой, перешедшей в традицию, является манера изображения крыльев. Много общего имеют изображения куропатки (табл. VII, рис. 1) и кулика (табл. VII, рис. 2), исполненные одним и тем же автором. Оба рисунка передают типичные черты изображенных птиц. По манере воспроизведения эти рисунки имеют несомненное сходство с изображением „тетерь“, остяцких знамен (ср. табл. I, рис. 7). Вполне своеобразны по манере исполнения изображения лебедя (табл. VIII, рис. 1) и орла (табл. VIII, рис. 2), несмотря на условность рисунка, передающие своеобразную грацию

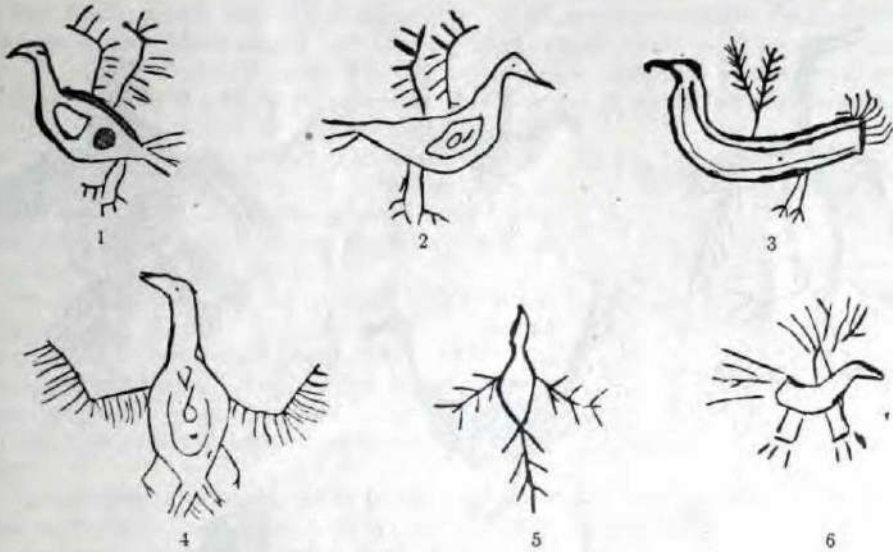

Таблица VII (2/3 натур. величины).

- Рис. 1. *Шага*—куропатка, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 2. *Хонпя*—кулик, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 3. *Чопыр*—тетерев, рисунок вогула Алексея Немги, 32 лет. Няхсимволь пауль на р. Северной Сосьве.
 Рис. 4. *Вазы*—утка (внутренности сверху вниз: *сам*—сердце, *мугму*—печень, *сова*—пупок), рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 5. *Кукук*—кукушка, рисунок остячки Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 6. *Ворнга*—ворона, рисунок остячки Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.

первой птицы и мощность второй. Весьма любопытно изображение утки (табл. VII, рис. 4), где сделана попытка изобразить и внутренности этой птицы (сердце, пупок и печеньку), подобно тому, как это сделано на рисунках куропатки и кулика (табл. VII, рис. 1 и 2).

Наиболее замечательно изображение филина (табл. VIII, рис. 4), передающее пышный перовой покров этой птицы, пушистую голову и мощные когти. В такой же мере художественно и динамично изображение летящего воробья (табл. VIII, рис. 6) и кулика (см. конец статьи).

ХРс. 5. *Тары*—журавль, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве (1/2 нат. вел.).

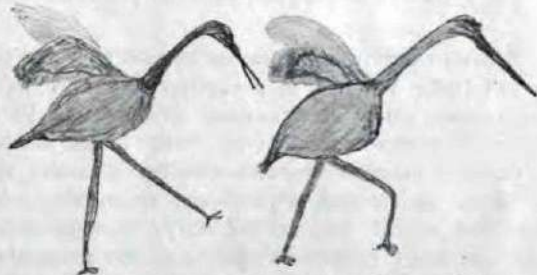

Рис. 6. *Тары*—журавль, рисунок остяка Кирилла Яркина, 26 лет. Нярэхумит пауль на р. Оби (2/3 нат. вел.).

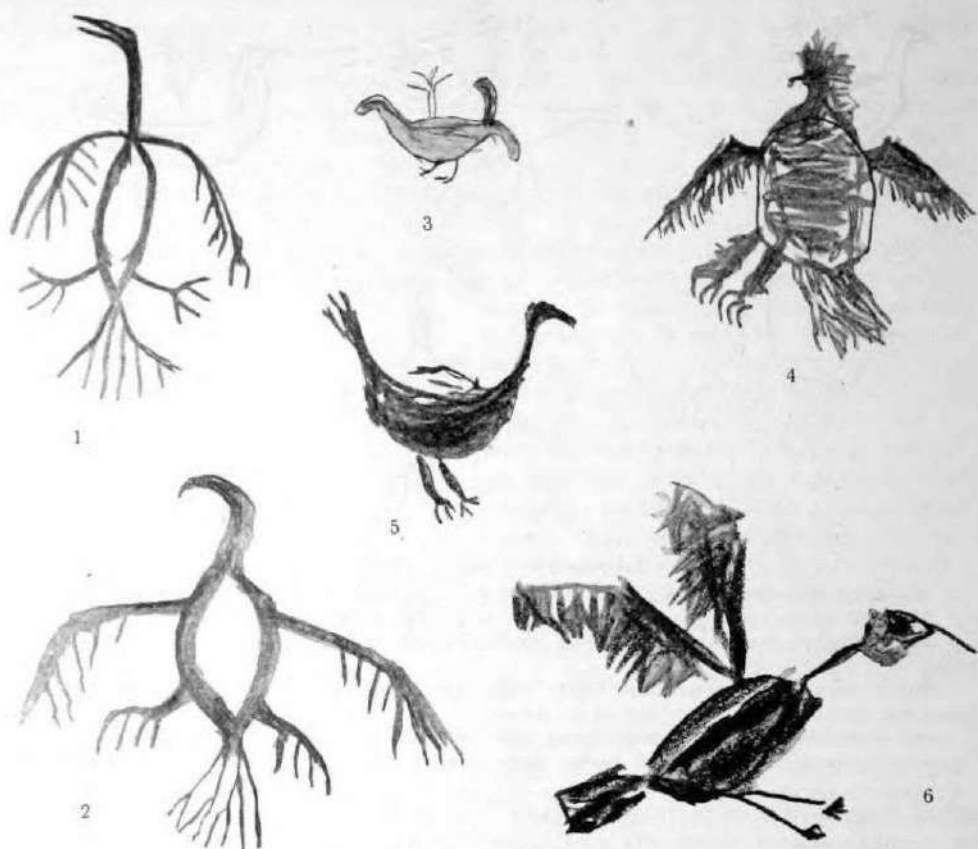

Таблица VIII (в натур. величину).

- Рис. 1. Хотын—лебедь, рисунок остячки Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 2. Курык—орел, рисунок остячки Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 3. Кутри—тетерев, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган-горт на р. Казыме.
 Рис. 4. Иби—филин, рисунок остяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 5. Чолыр—тетерев, рисунок остяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 6. Сиськи—воробей, рисунок остяка Николая Куйбина, 46 лет. Нижняя Обь.

Весьма схематизированными и вместе с тем стилизованными являются изображения кукушки (табл. VII, рис. 5) и вороны (табл. VII, рис. 6), из которых первое может быть сопоставлено, как и изображение лебедя (табл. VIII, рис. 1), с некоторыми изображениями птиц среди остяцких знамен (ср. табл. I, рис. 8 и 10).

Особый интерес представляют изображения журавлей (рис. 5 и 6). В одном случае (рис. 5) мы имеем весьма условное, но вместе с тем достаточно характерное изображение этой птицы: на длинных ногах длинное легкое туловище, с длинной шеей, кургузым хвостом и сильными крыльями. Во втором случае (рис. 6) изображения вполне реалистичны, передают все наиболее типичные черты этих птиц и притом с своеобразной грацией их движений.

Все изображения рыб (табл. IX, и рис 7а, б) не только вполне реалистичны, но во многих можно даже узнать тот вид, который автор пытался нарисовать. Карась (табл. IX, рис. 6) со своим широким туловищем легко отличается от длинного, со щупальцами, налима (табл. IX, рис. 5) или осетра (табл. IX, рис. 4). Еще отчетливее подчеркнуты видовые отличия максуна (рис. 7а) от осетра (рис. 7б). Очень любопытен своеобразный рисунок карася, мечущего икру (табл. IX, рис. 1). Напомним, что и в древних знаменах изображения рыб отличаются реалистичностью и вместе с тем художественностью исполнения (табл. I, рис. 6).

Из земноводных мы имеем одно изображение лягушки (табл. X, рис. 1), изображение достаточно схематичное, с условным обозначением внутренностей, и тритона (табл. X, рис. 4). Последний рисунок весьма выразителен и интересен тем, что помимо двух пар конечностей впереди изображен жаберный аппарат.

Из насекомых имеются изображения мошки и комара (табл. X, рис. 2 и 3), изображения в общем сходные с некоторыми из тех знамен, которые Оглоблин рассматривает как изображения птиц (табл. I, рис. 11).

Сравнительно небольшое место среди остячских и вогульских рисунков, как мы уже отмечали выше, занимают изображения различных предметов и бытовых сцен.

Слопец для ловли тетеревей (табл. X, рис. 5) изображен в плане и вполне точно передает конструкцию этого снаряда. Рисунок верши с рыбой (табл. XI, рис. 1), как и все рисунки остяков и вогулов, страдает

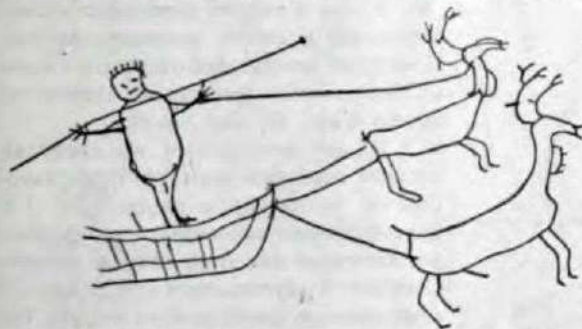

Рис. 8. Нарта, запряженная оленями, рисунок остяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме (2/3 нат. вел.).

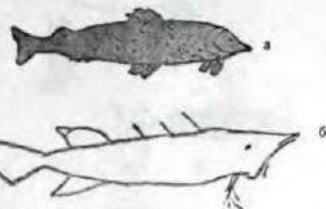

Рис. 7. а) *Мохсун*—максун, рисунок остяка Тимофея Яркина, 31 года. Няраэумит пауль на р. Оби. б) *Сох*—осетр, рисунок остячки Екатерины Харов, 28 лет. Ильби горт на р. Казыме (нат. вел.).

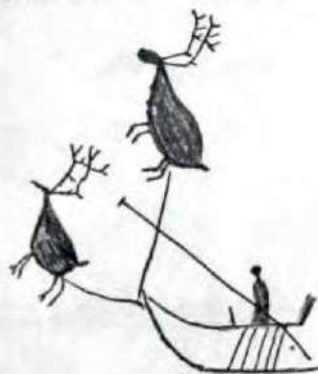

Рис. 9. Нарта, запряженная оленями, рисунок остяка Ивана Молдан, 25 лет. Казым-тын-вож на р. Казыме (2/3 нат. вел.).

отсутствием перспективы, но в плане дает верное представление об изображаемом рыболовном снаряде. Чумы (табл. XI, рис. 3 и 5) изображены весьма схематично. Очень интересен рисунок остяка-колыданщика на промысле (табл. XI, рис. 2). Обращает на себя внимание несоответствие масштабов в изображениях лодки и весла, условность изображения тонкой и густой колыданской сетки грубой решеткой, но имеется налицо типичный для колыдана грузовой камень. Достаточно живописны сцены езды на оленях (рис. 8 и 9). В одном случае (рис. 8) мы имеем грузовую нарту, запряженную парой

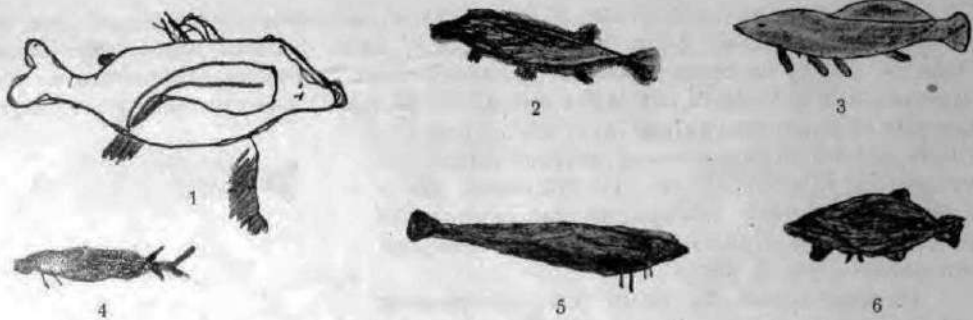

Таблица IX (2/3 натур. величины).

Рис. 1. *Модынхуд*—карась, мечущий икру, рисунок остяжки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Ху*—рыба, рисунок остяжка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме.

Рис. 3. *Тахтан ху*—крылатая рыба, живущая в вершине р. Казыми, рисунок остяжка Ивана Сянкина 32 лет. Кельсь-еган-горт на р. Казыме.

Рис. 4. *Сол*—осетр, рисунок остяжка Еры Кылим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.

Рис. 5. *Паннэ*—налим, рисунок остяжка Молданова, 13 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме.

Рис. 6. *Модынхуд*—карась, рисунок остяжка Молданова, 13 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме.

олений, и ездока с длинным хореєм в руке; во втором случае (рис. 9) нарта ездовая, запряженная также парой оленей.

Следует отметить, что изображения людей значительно уступают изображениям животных.

Как и в знаменах (табл. I, рис. 12) изображения людей на рисунках нашего собрания (табл. XI, рис. 2, 4 и 6; рис. 8 и 9 в тексте) отличаются схематичностью и малой выразительностью. Некоторой экспрессией отличаются только изображения девушки и идущего человека (табл. XI, рис. 4 и 6).

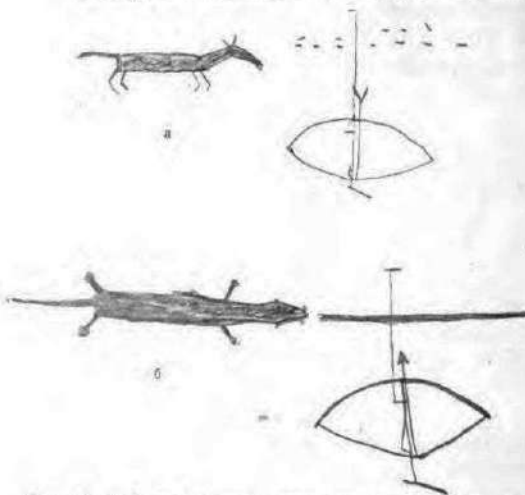

Рис. 10 а) *Охсыр йогыл*—самострел и *охсыр*—лисица, рисунок остяжка Ери Кылим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь. б) *Вундыр йогыл*—самострел и *вундыр*—выдра, рисунок остяжка Ивана Рондамова. Ильби горт на р. Казыме (1/2 нат. вел.).

Из охотничьих сцен мы приводим рисунки настороженных на тропе самострелов на лисицу и выдру (рис. 10). В изображении самострелов мы находим все типичные для этого снаряда детали. Отмечается двулопастная стрела лисьего самострела и коническая на выдру. Рисунок лисицы уступает многим из тех изображений зверей, с которыми мы познакомились ранее, изображение же выдры по обыкновению очень характерно.

Совсем особняком стоит рисунок 11, исполненный грамотным остяком: сухое ивовое дерево и на нем желна, в типичной для черного дятла позе, долбящая сухое дерево.

Вниз летят кусочки дерева. На рисунке отмечен также дерновой покров с травой и разветвляющиеся вглубь корни дерева.

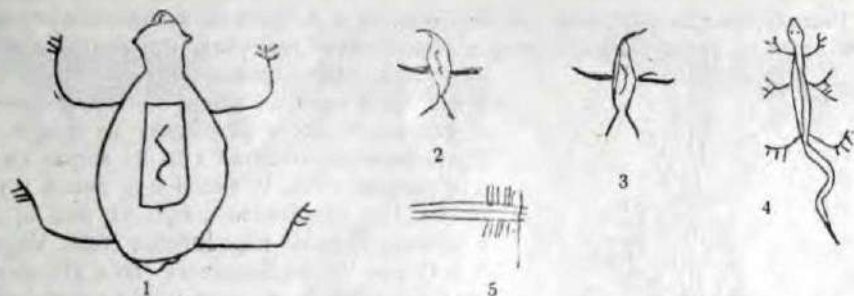

Таблица X (2/3 натур. величины).

- Рис. 1. *Няурнэ*—лягушка, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 2. *Нямалт*—мошка, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 3. *Педига*—комар, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 4. *Вась вой*—тритон, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
 Рис. 5. Слонец, рисунок остяка Ивана Молдан, 25 лет. Казым-тын-вож на р. Казыме.

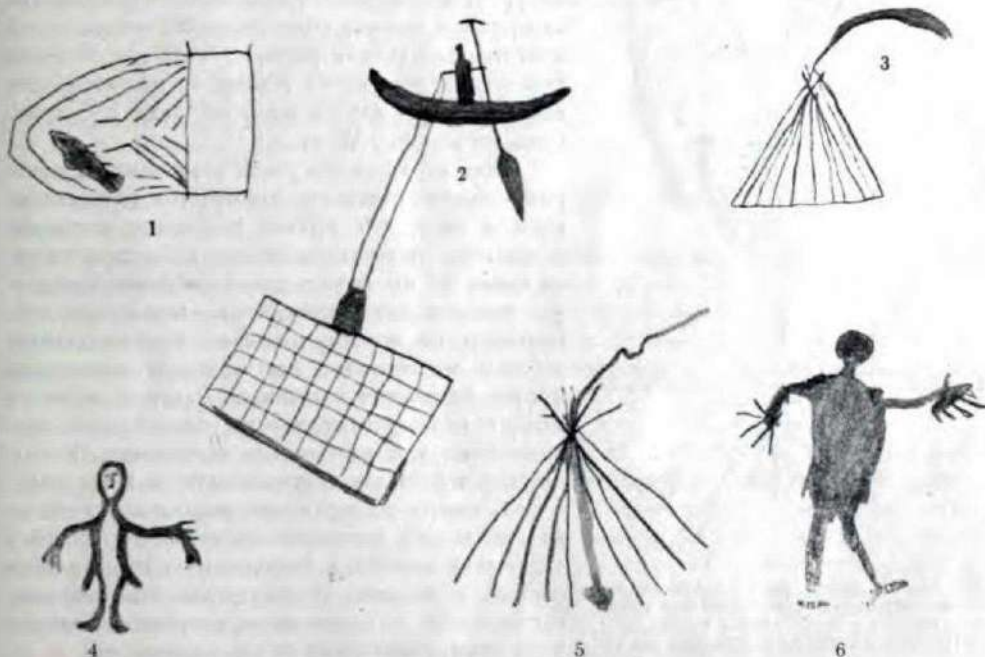

Таблица XI (2/3 натур. величины).

- Рис. 1. *Пун*—верша и в ней *модындуд*—нарась, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган-горт на р. Казыме.
 Рис. 2. Колыданщик в лодке (*хульты хал*) ловит колыданом (*хульты пун*) рыбу, рисунок остяка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.
 Рис. 3. *Нюки хот*—чум, рисунок остяка Ивана Молдан, 25 лет. Казым-тын-вож на р. Казыме.
 Рис. 4. *Нэхамы*—девушка, рисунок остячки Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 5. *Иорн хот*—чум, рисунок остяка Ери Кылим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.
 Рис. 6. *Нэнхой*—человек, рисунок остяка Ери Кылим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.

Рассматривая карандашные рисунки остяков и вогулов по изображенным сюжетам, мы не касались авторов. Между тем, художественное творчество исполнителей рисунков

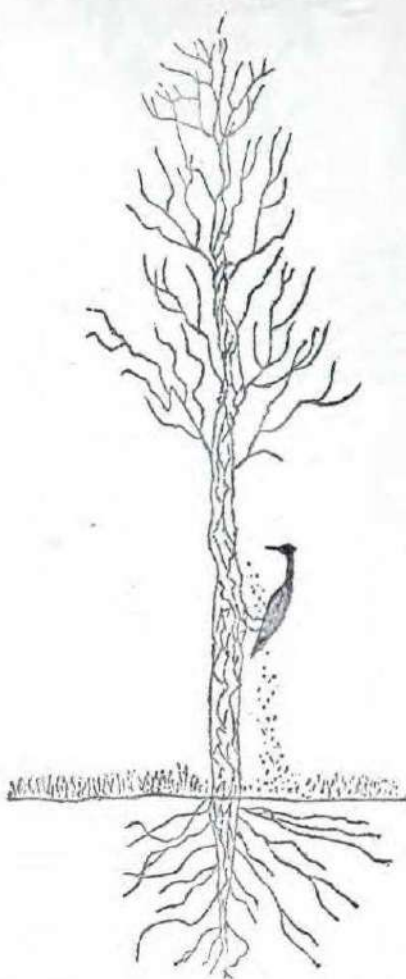

Рис. 11. Хонхра—желна на сухом таловом дереве няршы; изображен корень тар и трава лум; рисунок вогула Тимофея Яркина, 31 г. Нярэхумит пауль на р. Оби (нат. вел.).

настолько индивидуально, что, зная два-три рисунка какого-нибудь автора, не трудно выделить и остальные его произведения из общей массы. Достаточно сослаться хотя бы на вогула Оксикова (его рисунки табл. V, рис. 4 и 8; рис. 5 в тексте), остяка Ив. Молданова (табл. VI, рис. 5; рис. 9 в тексте), остячек Юр. Молдан (табл. VII, рис. 1, 2 и 4) или Марию Бендихову (табл. VIII, рис. 1 и 2), чтобы убедиться, в какой мере индивидуальность или особая манера исполнения автора отражается в характере рисунка.

Сопоставляя рисунки нашего собрания с остяцкими рисунками, опубликованными Мартином, мы видим, что они имеют много общего, как по сюжету, так и по характеру исполнения. Изображения животных и прежде всего северного оленя, людей и охотничьих сцен в рисунках собрания Мартина занимают первое место. Многие из рисунков этого собрания имеют полную аналогию также и с остяцкими знаменами XVII века.

При изучении рисунков различных народностей следует считаться с возрастом рисовавших, имея в виду, что детские рисунки существенно отличаются от рисунков взрослых. Детские рисунки, имеем ли мы дело с представителями культурных народов или примитивных,—схематичны, элементарны по замыслу и наивны по выполнению; ребенок не обладает достаточными познаниями формы, не владеет и техникой. Рисунки взрослых даже в палеолите поражают удивительным знанием сюжета и мастерством исполнения. Последнее характерно для рисунков остяков и вогулов.

В нашем распоряжении находится значительная коллекция рисунков, собранных Митусовой у сургутских остяков, и Ракитовым—у юго-западных остяков и вогулов. Просматривая эти собрания, мы выделили те из рисунков, которые исполнены взрослыми безграмотными рисовальщиками, и те, которые выполнены остяками и вогулами детьми,

прошедшими школьное обучение. Первые вполне аналогичны собранным нами, детские же стоят особняком и не представляют ничего самобытного, являясь копированием виденных образцов и подражанием чужеземной технике воспроизведения.

Уже при ознакомлении с карандашными рисунками остяков и вогулов можно было заметить известную стилизацию в изображении различных животных. Стилизация эта еще резче выступает в рисунках на бересте, а затем можно наметить ряд последовательных переходов и превращений изображений животных, птиц

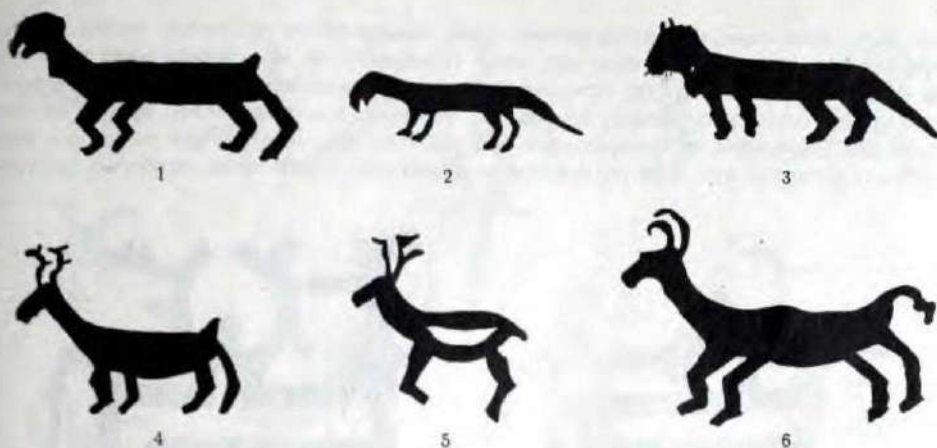

Таблица XII (2/3 натур. величины).

- Рис. 1. (1711—631) Рысь—рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 2. (1711—631) Выдра—рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 3. (1711—631) Выдра—рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 4. (1711—610) Олень—рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 5. (1711—607) Олень—рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 6. (1711—631) Корова—рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

или зверей, в орнаментальный мотив, утрачивающий первоначальную связь с исходной формой.

Помимо карандашных рисунков, собранные нами коллекции дают не малую серию рисунков, выскобленных на бересте. Техника такого рисунка чрезвычайно проста. На внутренней стороне березовой коры, снятой весной, острием ножа намечается контур желаемого рисунка или орнаментального мотива и проскабливается ножом. В иных случаях рисунок просто выскабливается без предварительной наметки контура.

Среди рисунков и этой категории (табл. XII и XIII) мы имеем прежде всего изображения зверей и птиц, человека и, как исключение, червяка и лягушки.

Изображения зверей и птиц крайне выразительны и не уступают в этом отношении карандашным рисункам. По технике исполнения они силуэты. Некоторые из рисунков этой категории поражают простотой, правдивостью и художественностью исполнения (табл. XII, рис. 3; табл. XIII, рис. 1—3). Воспроизведение в движении — характерная особенность рассматриваемых рисунков. Птицы изображаются на полете или при посадке, причем последние выражаются весьма разнообразными приемами; люди и звери, даже корова, находятся в движении.

Очень интересно изображение всадника верхом на лошади. Сюжет этот имеется в нашем собрании, как на бересте, так и на культовых предметах, в частности на *тор*, покровках на жертвенных животных.

Лошадь в том районе, откуда происходят наши рисунки, занимает третьестепенное место среди домашних животных. Она имеется у остяков только долины Оби близ г. Березова. У северных вогулов, у казымских остяков и тем более у остяков северных лошади нет. Тем не менее, это животное играет важную роль в религиозных представлениях; на нем сын бога неба (*мир суснэ хум* — вогулов или *мастер* или *орт* остяков) совершает свой объезд вселенной. Во время молений и жертвоприношений

сын бога неба невидимо присутствует среди молящихся, и последние ставят четыре серебряные тарелочки под ноги его коня. Покрывало на жертвенное животное, *тор*, общераспространенное среди остяков и вогулов и имеющее первостепенное значение в их культе, состоит из четырех изображений всадника (сына бога неба), причем изображение это трафаретно и канонизовано. Рисунок 12а, воспроизводящий сына бога неба верхом на лошади при всей стилизации еще довольно реалистичен, особенно рисунок

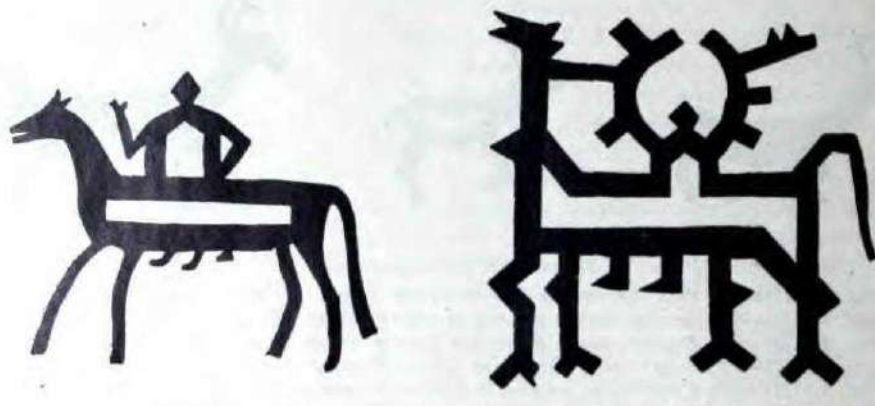

Рис. 12. а) (1710—427) *Мир сусна хум*—сын бога неба, изображение на *тор*—покрывале на жертвенное животное, Вогулы. Куайхиа пауль на р. Северной Сосьве. б) (1710—429) То же. Няхсимволь пауль на р. Северной Сосьве (1/3 нат. вел.).

лошади. Изображение всадника и лошади на рис. 12б уже значительно более стилизовано в характерном для вогульской и остяцкой орнаментике духе.

Рисунки, о которых до сих пор шла речь, дают реальные, обычно весьма характерные образы без стилизации.

В изображении *ворчик* или *вурчик* в татуировках мы уже имели случай познакомиться со стилизованным рисунком, особым остяцкого стиля изображением птицы. Подобная стилизация птиц и зверей у остяков очень распространена и занимает выдающееся место среди орнаментальных мотивов на берестяной посуде. Для того, чтобы дать представление об этой части графического искусства остяков и вогулов, мы приводим всего две таблицы рисунков подобного рода, одну—с изображениями птиц, другую—зверей.

Уже в карандашных рисунках (табл. VIII, рис. 1 и 2), особенно в выскобленных на бересте (табл. XIII, рис. 4—5), намечается известная стилизация. Гораздо явственнее она выступает в изображениях (табл. XIV), которые мы обычно, как центральные фигуры, находим на берестяных сосудах и их крышках. Изображение кулика (табл. XIV, рис. 1) стоит особняком и, несмотря на своеобразный стиль, может быть сопоставлено с рисунками 1—3 таблицы XIII. Изображения куропатки (табл. XIV, рис. 2) и тетерева (табл. XIV, рис. 3 и 11), весьма сходные между собой, представляют, хотя и условное, но достаточно реальное воспроизведение этих птиц. Иное дело изображения куропатки (табл. XIV, рис. 4) и тетерева (табл. XIV, рис. 10), которые, как и целый ряд других (табл. XIV, рис. 9, 13, 14 и 15), представляют собой своеобразные по стилю, геометризованные (если можно так выразиться) изображения этих птиц.

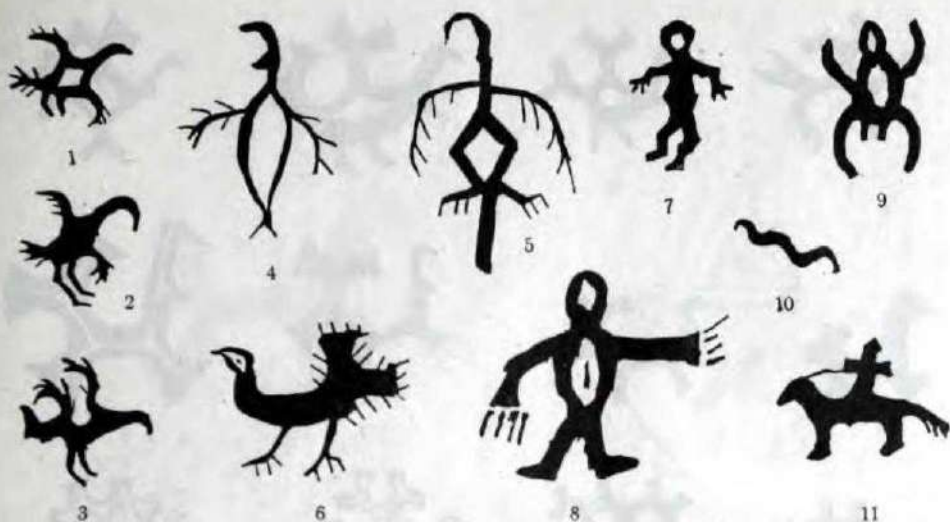

Таблица XIII (1/2 натур. величины).

- Рис. 1. (1711—631) *Кукук*—кукушка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 2. (1711—631) *Хонхра*—желна, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 3. (1711—631) *Чопыр*—тетерев, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 4. (1711—607) *Хотын*—лебедь, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 5. (1711—607) *Курык*—орел, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 6. (1711—607) *Глухарь*, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 7. (1711—610) *Человек*, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 8. (1711—606) *Человек*, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 9. (1711—610) *Няурнэ*—лягушка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 10. (1711—606) *Мынэ лер*—червяк, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
 Рис. 11. (1711—631) *Человек на лошади*, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 13. а) (1711—59) *Вундыр*—выдра, изображение на *эш кар*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме; б) (1711—58) *Мойпыр*—медведь, изображение на *эш кар*. Остяки. Казым-тып-вож на р. Казыме; в) (1711—60) *Анш вод*—бобер и люк—тетерев, изображение на *эш кар*. Остяки. Казым-тып-вож на р. Казыме (2/3 нат. вел.)

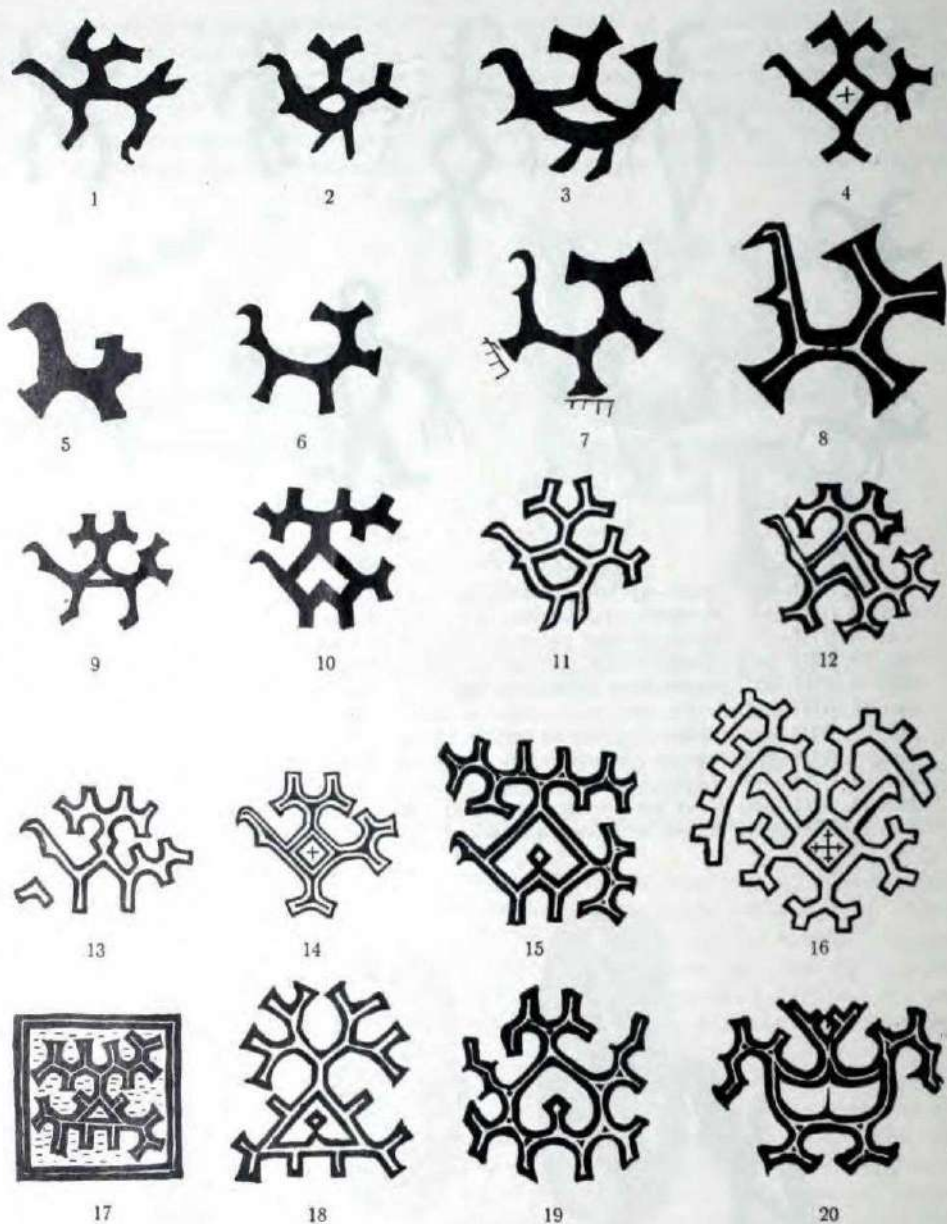

Таблица XIV ($\frac{1}{2}$ нат. вел. рис. 1—8; $\frac{1}{4}$ нат. вел. рис. 9—20).

Рис. 1. (1711—596) *Хонпля*—кулик, рисунок на берестяной крышке сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Шага*—куропатка, рисунок остячки Анны Лизямовой, 17 лет, Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 3. (1711—138) *Люк*—тетерев, рисунок на берестяной крышке сосуда *кугыр*. Остяки. Кельсь-еган горт на р. Казыме.

Рис. 14. (1711—610) *Вуды*—олень, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме (1/2 нат. вел.).

Рис. 15. (1710—149) *Яны уй айн*—лосьные рога, рисунок на берестяном сосуде *сан*. Вогулы. Куайхна пауль на р. Северной Сосьве (1/2 нат. вел.).

- Рис. 4. (1711—602) *Няр вой*—куропатка, рисунок на берестяной крышке сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 5. (1711—606) *Тивник*—птичка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 6. (1711—602) *Халеу*—чайка, рисунок на берестяной крышке сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 7. *Халеу*—чайка, рисунок остячки Марии Бендикховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 8. (1711—136) *Халеу*—чайка, рисунок на берестяной крышке сосуда *ай кучырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.
- Рис. 9. (1711—603) *Люк*—тетерев, рисунок на бересте для крышки сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 10. (1711—125) *Черс-ханы-вой*—птица, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 11. (1711—128) *Люк*—тетерев, рисунок на берестяной крышке сосуда *кугырь*. Остяки Казым-тын-вож на р. Казыме.
- Рис. 12. (1711—160) *Халеу*—чайка, центральный рисунок на берестяном сосуде *вонзип*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 13. (1711—161) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестяном сосуде *вонзип*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 14. (1711—143) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.
- Рис. 15. (1711—144) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Позыл пауль на р. Оби.
- Рис. 16. (1710—166) Рисунок на берестяном сосуде *саз пайп*. Вогулы. Олтумп пауль на р. Сосьве.
- Рис. 17. (1711—145) *Хумылха*—земляной жук, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.
- Рис. 18. *Хумылха*—рисунок на бересте. Остяки с р. Казыма.
- Рис. 19. (1711—127) *Хумылха*—земляной жук, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
- Рис. 20. (1710—140) *Колын пак*—еловая шишка, центральный рисунок на берестяном сосуде *сан*. Вогулы. Сокур-я пауль на р. Ляппие (Сосьве).

От простейшей формы изображения птички табл. XIV, рис. 5 исходит целая серия своеобразных изображений чайки (*халеу*) табл. XIV, рис. 6—8, которые в осложненной форме принимают вид (табл. XIV, рис. 12) совершенно сходный с аналогичными изображениями тетерева (табл. XIV, рис. 10 и 15). В рис. 16 табл. XIV, мы имеем осложненное и удвоенное изображение птицы (куропатки, тетерева или чайки— для нас не имеет значения). В конечном результате осложненные, стилизованные изображения птиц дают формы генетически с ними связанные, но утратившие внешнее сходство с птицей, почему остяки и вогулы дают им своеобразные названия: земляной жук, еловая шишка и проч. (табл. XIV, рис. 17, 18, 19, 20)¹.

Рис. 16. (1710—473). *Вор-толойка*—медведь, изображение вышитое оленьим волосом. Вогулы с р. Северной Сосьвы.

Та же картина наблюдается в эволюции изображения зверей. Реальные образы, путем удвоения или схематизации, а затем стилизации переходят в орнаментальные мотивы.

Одним из примеров удвоения может служить изображение оленя, рисунок на бересте (рис. 14) или использование рогов, как орнаментального мотива (рис. 15).

Наиболее простая форма схематичного изображения животного—рисунок бобра на табл. XV, рис. 1. Точно такое же изображение мы находим на предохранительной для руки дощечке, употребляемой остяками при стрельбе из

лука *эш кар*, приведенное в статье Шухова (табл. III, рис. 2)². Шухов называет этот рисунок изображением медведя. Некоторым усложнением являются подобные же изображения с раздвоенной головой, чаще всего встречающиеся на *эш кар* (см. рис. 6 в нашей работе: Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска³; у Сирелиуса рис. 23 и 24 в тексте, иногда на берестяных табакерках).

Изображение медведя на берестяной табакерке (рис. 17) уже значительно сложнее. Голова раздвоена, передние и задние лапы представлены симметричными завитками осложненными украшающими их придатками. Последнее изображение совершенно идентично изображению медведя же (табл. XV, рис. 3), вырезанному из сукна, которое мы

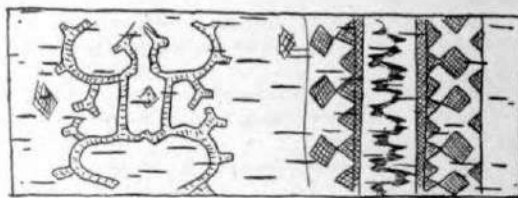

Рис. 17. (1710—216) *Мойлыр*—изображение медведя на берестяной табакерке (в развернутом виде). Вогулы. Посолдыт пауль на р. Северной Сосьве (1/2 нат. вел.).

¹ В коллекциях Русского Музея (1711—134) имеется стилизованное изображение тетерева, которое с несомненностью свидетельствует о том, что рис. 20 табл. XIV генетически связан с изображением птицы.

² Шухов, И. Н. Из отчета о поездке весной 1914 года к казымским остякам. Сборник Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук, т. III.

³ Материалы по Этнографии России. СПб. 1914, т. II. Шухов в выше упомянутой статье полемизирует с нами, утверждая, что изображения, о которых идет речь, не медведи, а лошади. Полагаем, что данный рисунок в такой же мере мало похож на лошадь, как и на медведя. Речь идет ведь только о том, как называют данное изображение остяки и вогулы. Работа Сирелиуса, повидимому, не была известна Шухову, а в ней мы находим ряд интересующих нас изображений медведя с раздвоенной головой (табл. V, рис. 1—4). Встречаются они и в шитом орнаменте на ритуальных предметах, связанных с культом медведя, в частности на рукавицах (рис. 16).

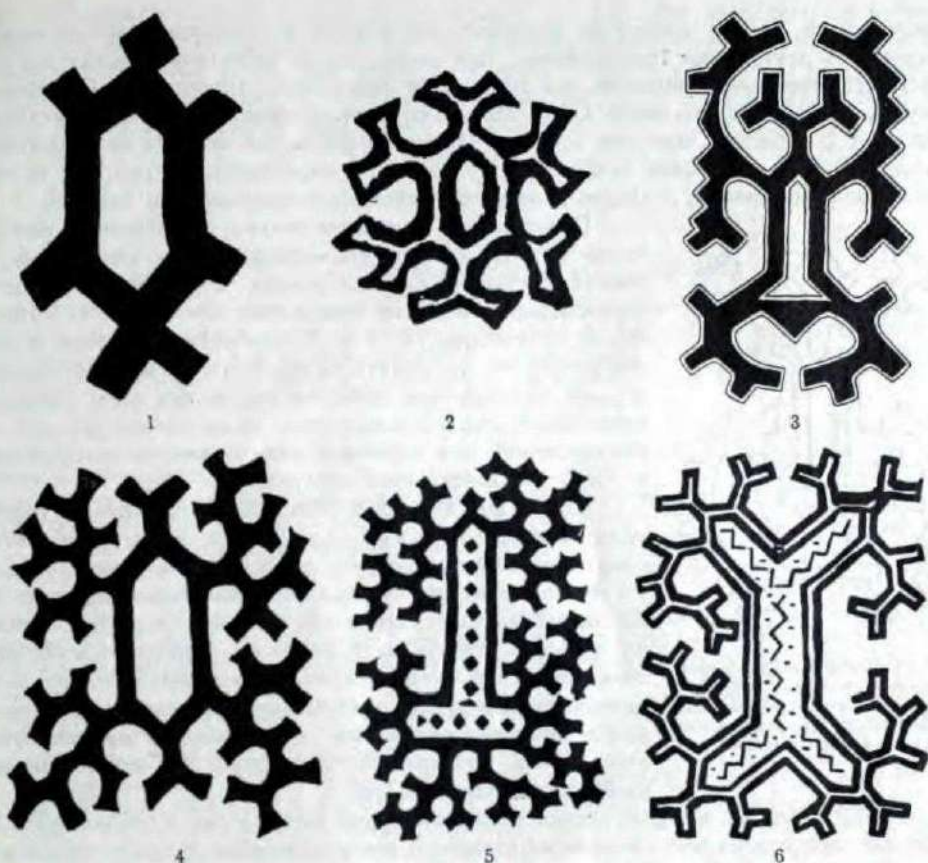

Таблица XV (нат. вел. рис. 1 и 2; $\frac{1}{4}$ нат. вел. рис. 3; $\frac{1}{2}$ нат. вел. рис. 4; $\frac{1}{6}$ нат. вел. рис. 5 и 6).

Рис. 1. (1711—606) *Вит вул*—бобер, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. (1711—141) *Хут вул*—старые юрты, рисунок на берестяном сосуде *ай кугурь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 3. (1710—426) *Вор-тол ойка*—старик медведь (дел лесных амбаров) изображение вырезанное из сукна на рукавице одевающейся во время празднества в честь медведя. Вогулы. Сопур-я пауль на р. Сосье.

Рис. 4. (1710—154) *Маколы сйка*—дедушка земляного дома, медведь на задних лапах, рисунок на берестяном сосуде *сан*. Вогулы. Мункез пауль на р. Северной Сосье.

Рис. 5. (1711—146) Медведь на столе, рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Казым-тып-вож на р. Казыме.

Рис. 6. (1711—130) *Хумылха*—земляной жук, рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Хульлор горт на р. Казыме.

находим на ритуальной рукавице, одевающейся во время медвежьего праздника, что с несомненностью свидетельствует об изображении на ней медведя. Изображение медведя на рукавице, о которой идет речь, отличается правильностью и симметрией рисунка, а также удачным разрешением поставленной проблемы: изобразить зверя и заполнить его изображением известную плоскость, в данном случае тыльную поверхность рукавицы. Полная симметричность рисунка в вырезанном из сукна или меха

орнаменте, в данном случае на рукавице, достигается наложением одной половины рисунка на другую при вырезывании. При нанесении на берестяную посуду тех или иных орнаментальных мотивов эта техника не применима. Поэтому на берестяных сосудах мы обычно не имеем столь тщательно выполненных изображений медведя. Рис. 4 и 5 табл. XV дают нам хорошие образцы изображений медведя на берестяных сосудах. В них мы узнаем трафаретное изображение зверя (табл. XV, рис. 1) с сильно разветвленными лапами, покрывающими всю подлежащую орнаментации площадь.

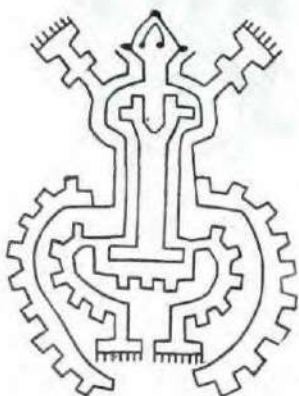

Рис. 18. *Вор-тол ойка*—старик медведь (дел лесных амбаров), рисунок вогулянки Татьяны Оксиковой, 29 лет. Хорум пауль на р. Северной Сосьве.

Подобные же и притом весьма своеобразные изображения также, повидимому, медведя мы находим на берестяных сосудах воспроизведенных в венгерской работе, упоминавшейся в начале статьи (рис. 4 – 7 табл. I)¹. Некоторые из них (рис. 4, 6 и 7) особенно интересны в том отношении, что, удерживая трафаретную схему изображения, на них своеобразным приемом отделяются лапы (добавлением когтей, как это имеет место и на нашем рис. 18) от тех придатков или ветвлений лап, назначение которых—заполнить орнаментируемое пространство.

Как видно на рис. 5 табл. XV в иных случаях голова медведя может быть и не раздвоена. Очень интересно в этом отношении, а также по ряду других отличительных особенностей, изображение медведя, воспроизведенное на рис. 18. Здесь мы имеем трафаретное, в виде параллелограмма, изображение головы медведя, но оно дополнено изображением глаз, ушей и кончика носа. Передние и задние лапы отмечены рядом зубцов когтей. Композиционно весьма интересно сочетание контурного и внутреннего рисунка этого изображения, повторяющих друг друга, но вместе дающих изображение одного зверя.

Рис. 2 табл. XV, который остяки называют старые юрты, и рис. 6 той же таблицы, земляной жук, несомненно генетически связаны с изображением зверя, но превратились уже, особенно рис. 6 табл. XV, в орнаментальный мотив, утративший сходство, с основной животной формой.

Мы далеко не исчерпали того богатого материала, который дают нам по остяцкой и вогульской графике собрания Русского Музея, не говоря уже о других центральных и краевых музеях. Полагаем все же, что приведенных примеров достаточно, чтобы получить представление о художественном творчестве остяков и вогулов в области графики. Сопоставляя наше собрание с теми материалами, которые имеются в печати по графике ряда сибирских народностей (в частности чукоц) и различных народов за пределами нашего Союза, мы убеждаемся, что остяки и вогулы выделяются большой наблюдательностью, прекрасным знанием и пониманием окружающей их природы, в особенности животного мира, несомненным художественным дарованием и особым стилем в орнаментике, заимствованным у них рядом соседящих с ними народностей. Рисунки на древних писаницах Урала и Саяно-Алтайского нагорья, в частности верховьев Енисея и Монголии, много примитивнее остяцких и вогульских рисунков и по стилю могут быть сопоставлены только с древними остяцкими знаменами. Своеобразный стиль и традицион-

¹ Semayer Vilibáld. *Vogul-osztják himes kéregedények*. Mag. Nem. Múz. Nép. Os. Értesítője, Budapest. 1905.

ность остяцкой и вогульской татуировки говорят за большую древность этого вида украшения, а многочисленные варианты отдельных орнаментальных мотивов, хотя бы в изображениях птиц о том, несмотря на вполне определившийся стиль остяцкой и вогульской орнаментики, он еще молод, продолжает жить, развиваться и далек от вполне сложившихся законченных форм.

С. Руденко.

ROUDENKO, S. L'ART GRAPHIQUE DES OSTIACS ET DES VOGOULS.

Les matériaux, pouvant servir à l'étude de l'art graphique chez les Ostiaks et les Vogouls, sont très variés. Nous avons en premier lieu les „snamena“, ou signatures autographes des Ostiaks et des Vogouls sur les documents historiques, ensuite viennent les pyctographes et les dessins de différents objets de ménage. Le tatouage des Ostiaks et des Vogouls, ainsi que la décoration ordinaire des vêtements, de différents objets en écorce de bouleau etc., représentent de nombreux motifs d'ornementation extrêmement variés.

Les „snamena“ des Ostiaks sur les documents historiques du XVIIe sc. se distinguent essentiellement des „snamena“ des turcs, des finois et des peuples slaves de la Russie. Ils représentent différents objets, souvent des animaux, des oiseaux et des poissons. Cela s'explique par le fait que les Ostiaks et les Vogouls, n'ayant pas de langue écrite et ne possédant pas de signes individuels de propriété (tamga) apposaient à partir du XVIIe sc. au bas des documents en lieu de signature les dessins de leurs totems de famille.

Il y a une grande ressemblance entre ces totems et le dessin des tatouages des Ostiaks et des Vogouls. L'usage de tatouer le corps devient à présent de plus en plus rare chez ces peuples. Il se peut bien que dans certains cas de tatouage nous ayons justement le dessin des totems. Parfois les „snamena“ tatoués pouvaient servir de signes distinctifs d'une certaine personne, mais le but principal du tatouage chez les Ostiaks et les Vogouls était médical ou décoratif. Des sujets ornementaux du tatouage se trouvent aussi sur différents objets et sur les vêtements en particulier. Les dessins des oiseaux se distinguent par un style traditionnel strictement établi.

Les pyctographes se rencontrent seulement comme entailles sur des arbres dans les forêts; ils indiquent la route suivie par le chasseur et servent à transmettre des renseignements convenus. Les pyctographes représentent ordinairement des dessins très schématiques d'animaux.

Les dessins au crayon, faits sur du papier par les Ostiaks et les Vogouls, rassemblés par l'auteur sur les lieux au cours d'une expédition en 1909 et 1910, forment une collection riche en matériaux de l'art graphique de ces peuples. Les dessinateurs étaient des hommes et des femmes adultes n'ayant, à de rares exceptions, jamais vu ni dessins, proprement dit, ni illustrations. Les Ostiaks et les Vogouls dessinaient généralement des animaux, des bêtes fauves, des oiseaux, des êtres humains, des insectes et rarement différentes scènes de mœurs. La majeure partie de ces dessins est parfaitement réaliste et nonobstant, le manque de perspective reproduit ingénieusement les traits caractéristiques des animaux et des objets. Les dessins des bêtes et des oiseaux, grattés sur l'écorce de bouleau, sont aussi expressifs que ceux faits au crayon. Au point de vue technique ce sont des silhouettes. Un des traits caractéristiques de ces dessins est la représentation des sujets en mouvement.

D'un intérêt tout particulier est le dessin canonisé d'un cavalier, le fils du dieu du ciel, sur les voiles rituels servant à recouvrir les animaux des sacrifices.

Les dessins réalistes des animaux sur les objets de ménage sont relativement rares. Ces dessins sont ordinairement stylisés d'une manière toute particulière aux Ostiaks et aux Vogouls.

À en juger d'après leur art graphique, les Ostiaks et les Vogouls se distinguent par un grand esprit d'observation, une connaissance approfondie et une compréhension de la nature, du règne animal en particulier. Ils ont aussi incontestablement un sentiment artistique. Leur style ornemental est tout-à-fait original. Ce style original et le traditionalisme dans le dessin des tatouages prouvent l'ancienneté de cet usage chez ces peuples; tandis que l'extrême variété des sujets ornementaux témoigne la jeunesse de leur art décoratif qui est encore en voie de développement et est bien loin d'avoir acquis des formes stables et définies.

Explication des planches.

Pl. I. „Snamena“ du XVIIe sc. des Ostiaks du gouvernement de Tobolsk. Pl. II — IV. Tatouage des bras des Ostiaks et des Vogouls. Pl. V — VI. Différents animaux dessinés au crayon par les Ostiaks et les Vogouls. Pl. VII — VIII. Oiseaux, dessins au crayon. Pl. IX. Poissons, dessins au crayon. Pl. X. Grenouille, cousin, moucheron,

triton, piège d'oiseaux, dessins au crayon. Pl. XI. Différents dessins au crayon Pl. XII. Animaux, dessins grattés sur l'écorce de bouleau. Pl. XIII. Oiseaux, hommes etc. dessins grattés sur l'écorce de bouleau. Pl. XIV. Oiseaux, dessins ornant les vases en écorce de bouleau. Pl. XV. Bêtes fauves, dessins ornant les vases en écorce de bouleau.

Fig. 1. Disposition du tatouage des bras. Fig. 2. Specimen de dessin de bêtes fauves des pycographes des Vogouls. Fig. 3. Renne, dessin. Fig. 4. Cheval et renne, dessins. Fig. 5—6. Grues, dessins. Fig. 7. Poissons, dessins. Fig. 8—9. Ostiaks en traîneaux à attelage de rennes, dessins. Fig. 10. Arbalète pointée sur un renard et une loutre. Fig. 11. Pic cendré sur un arbre, dessin. Fig. 12. Une loutre, un ours, un castor et un tétras, dessin sur une plaquette en os que l'on fixe dans la main en tirant de l'arc. Fig. 13. Le fils du dieu du ciel à cheval, dessin découpé en drap sur un voile rituel dont on recouvre les animaux des sacrifices. Fig. 14. Dessin double de renne gratté sur l'écorce de bouleau. Fig. 15. Bois d'élan gratté sur l'écorce de bouleau. Fig. 16. Ours, dessin brodé en poil de renne sur des mitaines, employées au service rituel en l'honneur de l'ours. Fig. 17. Ours, dessin sur une tabatière en écorce de bouleau. Fig. 18. Ours, dessin.

